

КОГДА Олег Олегович Прончатов, молодой директор Тагарской сплавконторы, раздвинув и добродушно потеснив строй положительных героев прозы шестидесятых годов, встал с ними бок о бок, иные критики, потупившись, промолчали, а иные засомневались: по заслугам ли честь? Ревниво подчитывали и соотносили разные черты его личности и неожиданные поступки, анализировали стиль поведения, сопоставляли героя с привычными представлениями о литературном персонаже — руководителе, поборнике технических новшеств, и смущенно разводили руками: нет, не укладывался новый герой Вилы Липатова в эти привычные представления.

Что же в нем заделало? Может быть, то, что вместо незамысловатого ватника и привычных «нирзачей» носил Олег Прончатов одежду модную, «городскую» и именно она воспринималась как некоторый вызов? Да, наверное, и это. Или его уверенность в том, что на службе — в кабинете, на катере — у него, Прончатова, должно быть чисто и удобно, даже комфортабельно, чтобы он не испытывал ненужных, мешающих делу бытовых неудобств? Помните, вставая в споре с фельетонистом Евг. Кетским против неоправданной жертвенности, Прончатов говорит: «Вам, наверное, известно, что во время навигации я двадцать дней в месяц нахожусь в командировке. Отчего я должен голодать, мерзнуть, жить без телефона? Ну, не жалеете человека, пожалейте дело...» Что греха таить — не один Евг. Кетский в свое время, вероятно, искренне считал бытовые тяготы необходимым спутником труда. И, значит, тем более оправдана в повести полемическая заостренность этой проблемы. Но, конечно, более всего настораживало в Олеге Прончатове другое. Пустует место директора сплавной конторы. Где-то решается вопрос о назначении, перебираются кандидатуры. А главный инженер Прончатов спокойно и уверенно заявляет: «Я хочу быть директором... Считаю, что имею на это право». У читающего повесть «срабатывает» прежде всего сила инерции и дают себя знать прежний эстетический опыт, привычные представления о герое: а как же, мол, быть с причастствующей случаю скромностью? Как объяснить и тем более простить это неприкрытое честолюбие?

А скромность и честолюбие, оказывается, вовсе не надо ставить во главу угла. Неожиданность поступка Олега Прончатова — производное его характера, от взаимоотношений с миром, одно из проявлений его неожиданной личности. Личность эта, характер прончатовский — открытые писателя, это угаданная или уже наблюдаемая в реальной жизни новизна отношения человека к своему долгу, делу в период развертывания научно-технической революции, обретшая теперь плоть в образе нового героя.

Липатов прощает своему герою некоторые — не переходящие на других людей — человеческие слабости. И не критики «уличили» Прончатова. Но автор и сам, пожалуй, «согласен» с теми строками письма первого секретаря Пашевского райкома в обком, где речь идет о Прончатове: «...и впредь вести с ним большую воспитательную работу, направленную на укрепление личной дисциплины и ликвидацию таких недостатков в характере, как самолюбование, зазнайство, поспешность в принятии некоторых решений». Согласен, потому что, как и райком, считает это «недостатками роста». И потому, что видит жизненность и перспективность этого человеческого и социального типа в том, как крепко и надежно стоит Олег Прончатов на своей земле, которую его сын метко назвал «страной Прончатной», как борется за будущее этой земли, как, рискуя и ошибаясь, меняет ее облик, чтоб людям жилось на ней ярче, радостнее.

И когда вспоминаешь вслед за Прончатовым и других «всесоюзно известных» героев произведения Вилы Липатова, тех из них, которые дороги автору, кто

выражает его кредо — художника и гражданина, а именно: участкового уполномоченного Федора Анискина («Деревенский детектив»), Истигней Мурзина («Стрежень»), Егора Ильича Сузуна («Смерть Егора Сузуна»), Раю Колотовкину («...Еще до войны»), тогда постигаешь главное свойство личности этих героев — **недоужинность**. Именно таких — недоужинных, своеобразных, неординарных в мыслях и делах — людей приводит В. Липатов в свои книги. Его герои необычны и не просты для познания, как и само время, в котором они живут и действуют. Это человеческие идеалы писателя, люди, вобравшие в себя свойство совершенно особой категории — советского характера.

Любимые герои Липатова — это люди, «что-то работающие», жадно и весело

торопный и жизнелюбивый сельский люд. Он и сегодня писатель-журналист, газетчик по темпераменту и воздействию на жизнь; и в художественных своих работах, и в активной публицистической деятельности, и на частых встречах с читателями — всегда остается ярким, эмоциональным, убедительным полемистом и пропагандистом. И часто эти разные ипостаси писателя неразрывны. Так, его газетные выступления о природе и «ликах» современного мещанства, где Липатов безошибочно зорко разглядывает бытующее явление и обнажено, зло, гневно его высмеял, позволили надеяться, что писателю по плечу изобразить это явление в художественной прозе — пластично, жизненно достоверно, а значит, и помочь борьбе с ним. Теперь стало известно, что такое

А главные «герои» повести Вилы Липатова «Серая мышь», четыре воскресных собутыльника — Ванечка Юдин, Устин Шемяка, Витька Малых и бытший директор, бывший интеллигент, бывшая личность Семен Баладин? Разве, взяв на вооружение «увеличивающее стекло», искусство, изобразив через этих персо-

нажей пагубность укоренившегося в быту социального зла — пьянства, этого «добровольного сумасшествия», разве не борется литератор тем самым за человека?!

У Вилы Липатова не встретишь персонажей «проходных», вспомогательных. Каждый герой его произведения — и второстепенный, и эпизодический персонаж — живой, «на особицу» устроенный человек и, значит, каждый интересен. Вспомним старика Нехамова, или Эдгара Ивановича Огурцова, или плановика Полякова из «Сказания о директоре Прончатове», Панку Волошину, Веру Косую или Аграфену Пальцеву из «Деревенского детектива», бабу Кланю Шестерню из «Серой мыши» или отчаянную подружку Раю Колотовкиной из повести «...Еще до войны» — трагистку Граньку Оторви да брось... Вспомним — и убедимся, что для каждого из названных персонажей находил писатель судьбу, место среди людей, собственный образ жизни, особенности характера и языка. И в произведениях у Липатова они не просто несут ту или иную необходимую в драматургии произведения функцию, но раскрывают многообразие жизненных характеров и, следовательно, необозримый простор для художнического исследования человека.

ГОДЫ, проведенные в свое время Вилем Липатовым в «журналистской упряжке», на посту заведующего промышленным отделом томской областной газеты «Красное знамя», вооружили писателя пристальным взглядом, умением добираться до истоков жизненного явления, обнаружить его перспективу или обреченность. И до сих пор, вот уже почти полтора десятилетия со времени опубликования в Москве повести «Глухая Мята», познакомившей всеобщего читателя с забайкальцем Липатовым, до сих пор в его книги вновь и вновь приходят герои, встреченные писателем там, в Сибири, — лесорубы, сплавщики, рыбаки, строители, рас-

ШТРИХИ
К ПОРТРЕТУ

произведение уже завершается писателем и скоро увидит свет. «И это все о нем...» — так назвал свой **новый роман** Вилы Липатова. В нем прозаик столкнет скудоумную, тлетворную философию мещанина-захребетника с моралью и философией человека светлого, деревенного, представляющего в романе прочную типологическую реальность, — тип молодого гражданина-современника.

СВОИ художественные задачи прозаик успешно решает, соединяя в произведении новизну и жизненность проблематики с искусством художественного изображения. От вещи к вещи растет Липатов как мастер **пластического владения** словом, и уже можно смело сказать, что он обладает своим неповторимым стилем. Живописное изображение картин жизни или портрета человека, его жеста, походки, манеры говорить, присущие произведениям писателя юмор, ирония, шарж, щедрые метафоры, даже гиперболы, простонародные речения, пословицы, частушки — все это обязательные сплагаемые липатовской прозы. О плечах жены Прончатова Елены он скажет неожиданно, обостренно осязаемое: «плечи шевровой выделки», на страницах «Глухой Мяты» встретишь очень колкую «небритую щетину болот», в «Стрежне» услышишь естественно-своеобычную речь старого рыбака Истигней: «Хорошей будет жизнь Степки! В ласковые времена он на ноги поднимается, себя человеком понимать начинает. К человеку времена стали ласковее, близостней, а главное, работающие времена».

Увлеченность созданием собственного художественного стиля, поиски наиболее выразительных средств воплощения не всегда увенчиваются успехом, завершаются находками. Так, к примеру, издержки стиля, чрезвычайно крутой «замес» метафоричности свойственны в целом оригинально написанной повести «...Еще до войны». Пожалуй, трудно согласиться с

таким утрированно проницательным описанием — молодайки Ульяны Мурзиной: «...икры ног у нее вздувались пузырями и были красными, ядреными, словно их натерли кирпичом», или двадцатилетней учительницы Жутиковой: «...на спине учительницы чугунной цепью лежала толстая коса, во рту блестел золотой зуб, на необъятной груди зияла полувершковая брошка-каменя, и вообще Капитолина Алексеевна была роскошна, величественна и монументальна, как конная статуя». Однако и в этих преувеличениях (в стилистике повести большинство метафор удачны и живописны) узнаешь Липатова — яркого колориста, тонкого наблюдателя.

Писатель любит монологи — прямые и косвенные, он талантливо перевоплощается в героя, принимает его облик и активно действует в созданной его же воображением жизни, не забывая, однако, и о своей «режиссерской» сверхзадаче — об идейно-художественном замысле всего произведения. Умело и терпеливо ведет он героя в произведении, сталкивая в конфликтах с другими персонажами, заставляя отвечать на вопросы жизни.

Образная система писателя порой почти сказочная, почти фантастическая: «Лучшие лошади в районе, а может быть, и в области, вздвигали в волосатых руках Чаусова. Прокатилась по спине коренника блестящая волна. Он нервно, как молодая балерина, переступил ногами, фыркнул, разбрызгивая розовую и кружевную слюну. Миг — и скакнул на глазах спутавшийся канителью Тагар. Он проглотил твердый комок воздушной струйки, откусил от него столько мог и встаки задохнулся».

— Эй, залетный!» Как все зримо здесь и исполнено движением! И в то же время как четко выверены границы фразы, ее ритм.

Сочность красок, буйство фантазии, озорство, смелый, неожиданный ракурс взгляда, своеобразные открываемые Липатовым характеры выказывают в нем продолжателя в советской литературе традиций прозы Алексея Толстого и Вячеслава Шишкова.

В книгах В. Липатова много солнца, лунного света, ветра, шелеста листьев, блеска и рокота рек. Чаще всего это Кеть и Обь, «река сильная, могучая». И место действия почти всех книг писателя названо определенно — это нарымский край, томская тайга, всюганские болота — «порядочный кусок Азии».

НО ОСТАВАЯСЬ верным месту действия, «стране Прончатной», писатель в каждом новом своем произведении стремится выйти к изображению новых обстоятельств действия, то есть открывает иные пласты жизни, материк новых тем.

Вот и сейчас, по шутливому выражению Вилы Липатова, он опять пошел «в люди» — идет накапливая жизненный материал. Тема, заявленная в «Сказании о директоре Прончатове» — проблемы научно-технического прогресса и проблемы жизни, человек и техника, человек и общество, — поворачивается у Липатова неожиданно, скажем так — НТР и семья, НТР и женщина. Пишется новая повесть... Какой она будет, какую новую литературную форму продиктует писателю материал — говорить пока еще не время. Однако, зная неизбывный интерес Вилы Липатова к личности ярким, деятельным, возникающим на дороге жизни где-то чуть-чуть впереди многих других и убеждающим их следовать за собой, — зная это, можно надеяться и в новых произведениях писателя встретить такого героя, о котором взыскательный, беспоконный Егор Ильич Сузун мог бы сказать свое одобрительное: «Есть человек!».

Н. ПОДЗОРОВА